

На правах рукописи

Конкка Алексей Петрович

**ДЕРЕВЬЯ-ЗНАКИ В ОБРЯДАХ И ВЕРОВАНИЯХ ПРИБАЛТИЙСКО-ФИНСКИХ
НАРОДОВ**

Специальность 07.00.07 – этнография, этнология, антропология

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Петрозаводск

2011

Работа выполнена в Институте языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН

Научный руководитель: доктор филологических наук, член-корреспондент РАН К.В. Чистов

Консультант: доктор исторических наук И.Ю. Винокурова

Официальные оппоненты: доктор исторических наук А.К. Салмин

Доктор исторических наук О.М. Фишман

Ведущая организация: Институт языка, литературы и истории Коми научного центра РАН

Защита состоится 31 октября 2011 года в 16 часов на заседании диссертационного совета Д 002.123.01 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора исторических наук при Музее антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) РАН по адресу: 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 3.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера)

Автореферат разослан “30” сентября 2011 года

Ученый секретарь
диссертационного совета,
кандидат исторических наук
А.И. Терюков

I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования

Культ растительности в различных его проявлениях - от сакрализации отдельных видов растений до дерева (или части его) в функции обрядового символа - практически универсален. Почти столь же универсальна и идея дерева, лежащая в основе представлений о строении Вселенной. Литература по данному вопросу обширна и неоднократно обобщалась с различных точек зрения, однако только в 1980-1990-е гг., благодаря комплексному подходу к изучению духовной культуры и исследованию глубинной семантики обрядности, появились теоретически обоснованные возможности соотнесения мифологических и обрядовых структур (например, тех же представлений о мировом древе и о конкретных обрядовых растительных символах), т. е. основание рассматривать обрядовый символ как знаковый комплекс, в котором концентрируются мифологические представления о мире на различных уровнях от человека и его жизненной субстанции до прообраза всего мироздания. Характерной чертой обрядового символа является его многоаспектность, подчинение закону тождества, по которому растительный или иной символ-предмет, неся в себе частицу жизненной сущности человека, животного, растения, природного явления, вырастает в ритуальном поведении и действии до уровня вселенских категорий и выполняет функции «посредника» между мифологическими мирами. Данная многоаспектность является почвой не только для углубления смысла обрядового символа в сознании, но и для расширения «сферы» его действия, когда одни и те же символы обнаруживаются в различных обрядах.

Знахарские приемы лечения болезней; календарные, родильные, свадебные ритуалы; обряды при переходе в новый дом несут, казалось бы, различные функции, однако общая их мифологическая основа - переход из одного состояния в другое как самих объектов, так и окружающего их мира - порождает необходимость использования «сквозных» универсальных предметных и акциональных символов.

Эти важные проблемы, связанные с исследованием сущностных характеристик ритуала, с ролью предметного кода (растительности) в обрядах, были и остаются одним из приоритетных направлений отечественной этнографии и характеризуются разной степенью разработанности на примере различных культурных традиций. У прибалтийско-финских народов одним из таких многозначных обрядовых и мифологических символов является дерево «карсикко» (от фин. *karsikko*, кар. *karsikko/karzikko* – ‘карзать, обрубить

ветки')¹. Карсикко - характерное, но малоизученное явление прибалтийско-финской культуры. Это преимущественно хвойное дерево с определенным образом обрезанными ветвями или вершиной или различными, вырезанными в стволе знаками от простого затеса (выровненная топором поверхность) или зарубки до антропоморфного изображения. Дерево-знак используется в ритуалах жизненного цикла человека, а также в календарной и промысловой обрядности как символ духа-охранителя. Карсикко в обрядности представляет собой ипостась мирового дерева с функциями оберега и медиатора между мирами, маркируя сакральные границы.

Всё это делает изучение данного явления особо значимым и представляющим большой интерес для исследователя, в том числе в сравнительно-историческом плане.

Объектом диссертационной работы является обрядовая культура прибалтийско-финских народов. **Предмет диссертации** - комплекс представлений, обычаев и обрядов, связанный с использованием ритуального символа – дерева-знака.

Целью настоящего исследования является выявление, анализ и систематизация материала по обрядности и верованиям, связанным с использованием дерева-карсикко, определение роли дерева-знака в обряде и описание совершаемых с ним ритуальных действий. Для достижения поставленной цели предполагается решить **следующие задачи**:

1. Определить типы ритуалов и обрядовых действий с использованием карсикко.
2. Выявить формы карсикко, а именно способы обработки деревьев-знаков, их функции и семантику в конкретных обрядах.
3. Определить уровень репрезентативности имеющегося литературного, архивного и полевого материала в свете вышеобозначенной цели и выявить территорию бытования исследуемого явления в Северной Европе и Прибалтике.
4. Соотнести имеющиеся данные по Северной Европе с источниками из других регионов для решения вопросов происхождения и диахронической последовательности развития различных форм дерева-знака.
5. Выявить корпус разноэтничной терминологии, связанной с деревьями-знаками в Северной Европе.

Степень научной разработанности темы

Первая заметка о карсикко «Дерево предков» о «крестовых соснах» на Карельском перешейке была напечатана А.С. Григорьевым в журнале «Нива» еще в 1888 г.² Несмотря на краткость, в заметке Григорьева перечислены все основные формы карсикко умершего

¹ Другие термины: севернофин. *hurrikas*, южнофин. *ristipuu* (букв. «крестовое дерево»), эстонское *ristikuusk* («крестовая ель»), *ristipedäjä* («крестовая сосна»), ср. архангельское и вологодское *залазь*, коми *нас пу* и др.

² Григорьев А. С. Дерево предков. // Нива. 1888. № 14. С. 368.

в традиции финляндской провинции Южная Карелия: деревья с прибитыми к ним дощечками (*karsikkolauta*); вырезанные в дощечках и в стволе дерева косые кресты; «тавро», то есть родовой знак или знак собственности умершего. Имеется и указание на охранительную функцию карсикко: вырезанные на нем знаки препятствуют возвращению покойника в дом. Упомянуты также жертвоприношения карсикко. Григорьев иллюстрирует свой рассказ фотографией В.Н. Майнова «крестовой сосны» из окрестностей Уусикиркко.

В продолжение темы в той же «Ниве» в 1915 г. вышла в свет статья Э. Вольтера «Крестовые сосны (*ristipetäjä*): к вопросу о некрокульте у финских народностей», в которой автор, опираясь на южнофинские материалы, рассказывает о дощечках с «именами и прозвищами» умерших, которые раньше было принято прибивать на особые почитаемые сосны, отмечая, что «в былое время такие сосны имелись в конце каждой деревни»³. Вольтер также помещает фотографию двух сосен из Куоккала. Эти первые свидетельства интереса к обрядам, связанным с деревьями-знаками, остались, к сожалению, единственными в своем роде на долгое время. Тема карсикко в отечественной литературе получила развитие лишь спустя 70 лет.

В Финляндии, начиная с конца XIX в., о карсикко периодически выходили разного рода публикации. Одной из первых работ, в которой карсикко посвящен целый раздел, был вышедший в 1898 г. знаменитый труд Ю. Крона, где была собрана значительная часть известных к тому времени сведений о культах финно-угорских народов⁴.

В 1924 г. в ежегоднике «Общества Калевалы» была опубликована обширная статья У. Холмберга (Харва) «О карсикко у финнов», которую можно считать первым значительным научным исследованием данного явления⁵. Прежде всего, статья Холмберга отличается от всех предыдущих и последующих, так или иначе связанных с явлением карсикко работ, своей всеохватностью и обилием материала. Помимо основных видов (карсикко умершего, неофита, свадебное и промысловое карсикко), У. Холмберг выделяет и описывает медвежье карсикко, карсикко у дома, карсикко на пожоге; публикует материал о некоторых формах календарного (праздничного) карсикко, а также посвящает целый раздел почитаемым (жертвенным) усадебным деревьям, который дает в качестве сравнения к сведениям о собственно деревьях-карсикко. Разнообразие описанных У. Холмбергом видов карсикко и способов обозначения дерева-знака в обряде заставляют автора искать основную «сквозную» идею данных обычаев, которую он видит

³ Вольтер Э. А. Крестовые сосны (*ristipetäjä*). К вопросу о некрокульте у финских народностей. // Живая старина. 1915. Приложение № 3. С. 033-035.

⁴ Krohn, Julius. Suomen suvun pakanallinen jumalanpalvelus. – Helsinki. SKS, 1894.

⁵ Holmberg, Uno. Suomalaisten karsikoista // Kalevalaseuran vuosikirja 4. Helsinki. SKS, 1924. S. 7-82.

в магическом использовании животворной силы вечнозеленого хвойного дерева. Статья У. Холмберга является одним из основополагающих источников нашего исследования.

В 1931 г. появилась статья языковеда М. Ювас, подводящая промежуточный итог полевым сборам материала по теме карсикко⁶. Ею был опубликован ценнейший материал по результатам исследований в шведской провинции Вярmland среди так называемых «лесных финнов», переселенных шведским правительством в основном из восточнофинской исторической провинции Саво в XVI-XVII вв.

В послевоенные десятилетия в Финляндии вышло еще несколько работ, затрагивающих данную тему, среди которых следует назвать статью С. Вальякка «Дополнения к саволакским карсикко», в которой, несмотря на небольшой объем, содержатся очень важные сведения для понимания явления карсикко в целом⁷. Следует упомянуть также статью И. Талве «Первая поездка в город и связанные с ней обычаи», в которой автор, в основном на материалах Средней Финляндии, описывает обычаи, связанные с обрядами инициации⁸. В том же году появляется статья А. Вилкуна «Белый платок, платок умершего», посвященная изучению представлений о душе и связанной с ней атрибутике у финнов. Статья имеет непосредственное отношение к карсикко умершего⁹. В 1963 г. была опубликована обстоятельная статья Ю. Пентикяйнена «Карсикко Пюхьякангас» о самой большой сохранившейся в Средней Финляндии роще карсикко умерших, которые вырубали здесь по дороге на кладбище¹⁰. В статье затрагиваются и другие формы карсикко. П. Виртаранта в 1958 и в 1978 гг. публикует две книги текстов, записанных в основном от карел Северо-Западной Карелии. В них немало ценного материала по деревьям-знакам, в особенности это касается форм промыслового карсикко.

В 1986 г. автор данной диссертации издает первую в отечественной этнографии обобщающую статью о восточно-финских и карельских карсикко¹¹. В 1993 г. была опубликована монография музеоведа Я. Вилкуна «Карсикко умершего», в которой приведен финский, частично также шведский и эстонский материал по данной тематике.¹²

⁶ Juvas, Maija. Lisätietoja karsikoista ja hurrikkaasta // Sanakirjasäätiön Toimituksia 1. Helsinki, 1931. S. 79-89.

⁷ Valjakka, Sirkka. Lisiä Savon karsikoihin // Kotiseutu. 1949. № 4. S. 68-71.

⁸ Talve, Ilmar. Ensimmäinen kaupunkimatka ja siihen liittyviä tapoja // Kalevalaseuran vuosikirja 40, 1960. S. 262-287.

⁹ Vilkuuna, Asko. Valkoinen liina, vainajan liina // Virittäjä. 1960.

¹⁰ Pentikäinen, Juha. Pyhäkankaan karsikko ja sen asema suomalaisessa karsikkoperinteessä // Saarijärven kirja. Pieksämäki, 1963. S. 393-416.

¹¹ Конкка А. П. Карельское и восточнофинское карсикко в кругу религиозно-магических представлений, связанных с деревом // Этнокультурные процессы в Карелии. Петрозаводск, 1986. С. 85-112.

¹² Vilkuuna, Janne. Suomalaiset vainajien karsikot ja ristipuut / Kansatieteellinen Arkisto 39. Helsinki, 1992.

В 1994 г. вышел второй том «Атласа традиционной культуры Финляндии»¹³. В атласе имеются карта и сопровождающая ее статья о карсикко на территории расселения финнов и карел. Наконец, в 1999 г. была опубликована статья автора данной работы, основанная на полевых материалах, собранных им в финской и норвежской Лапландии и Кайнуу, а также архивных данных по карсикко из Северо-Восточной Швеции¹⁴.

В перечисленных работах финских авторов достаточно ясно прослеживается мысль о многофункциональности деревьев-знаков, рассмотрены и выделены основные их виды: промысловое карсикко, карсикко неофита, карсикко умершего, праздничные карсикко. У. Холмберг, как говорилось выше, выделял гораздо большее количество видов карсикко. На самом деле четкое разделение деревьев-знаков на виды и подвиды – достаточно сложная задача, так как нередко одно карсикко могло выполнять несколько функций.

Весь корпус сведений о карсикко в работах финских исследователей касался в основном только территории Финляндии. Многие из них считали, что карсикко отсутствует за пределами восточной границы Финляндии или зафиксировано на востоке лишь в приграничной полосе.

Источниками данного исследования явились опубликованные работы, архивные и музейные материалы, полевые данные.

В диссертации использованы архивные материалы из крупнейшего в Европе Фольклорного Архива Финского Литературного Общества (SKS). Из собраний SKS (Kansanrunousarkisto), прежде всего, следует назвать фонд крупнейшего собирателя начала XX в. С. Паулахарью, материалы которого касаются Северной Швеции, Северной Финляндии и Беломорской Карелии. Помимо значительного количества уникальных текстов, в архиве имеется корпус рисунков и копий с фотографий Паулахарью по тематике карсикко, что явилось неоценимым подспорьем для написания данной работы. Материалы Паулахарью по северу Фенноскандии практически не использовались в работах финских исследователей. Помимо основного рукописного фонда, сгруппированного по собирателям (S), следует отметить также результаты нескольких опросов по традиционной культуре Финляндии и Карелии, проводимых архивом в 1930-40-е гг. (KRK, КТ и др.), составляющих сотни томов.

Другим крупным собранием материала по теме диссертации явился Словарный фонд (SMSA) Института родных языков в Хельсинки (Kotus), в том числе словарные

¹³ Sarmela, Matti. Suomen perinneatlas. Suomen kansankulttuurinkartasto kartasto 2 / Atlas of Finnish Ethnic Culture 2. Folklore. SKST 587. Helsinki, 1994. 259 p. + 99 maps.

¹⁴ Konkka, Aleksi. Kuusi kultalatva. Pohjoisen Suomen karsikoista / Kalevalaseuran Vuosikirja 77-78. Helsinki: SKS, 1999. S. 112-139.

карточки лингвиста М. Ювас, которая собирала материалы по карсикко в разных частях Финляндии.

В Национальном музее Финляндии автору удалось познакомиться с некоторыми материалами собирателей XIX в., проводилась также работа в фотоархиве музея. Фотоколлекции и экспонаты (вырезанные части стволов карсикко с нанесенными на них знаками) были исследованы в Музее Кайнуу, Музее истории Суомуссалми, Музее Соданкюля и пр.

В Архангельском государственном архиве в 1980-е гг. автор провел работу по изучению старых клейм – родовых знаков беломорских карел из Вокнаволоцкой и Ухтинской волостей. В архиве Российского этнографического музея в 1999 г. исследовались материалы фототеки по карелам, в последующие годы были также получены сведения о промысловой деятельности и календарю (жертвоприношения в заветных рощах) карел Беломорского побережья (материалы Г. А. Никитина). Фотографии кладбищ и почитаемых рощ, а также некоторые материалы о проводимых в них обрядах обнаружены в Научном архиве КарНЦ РАН. В диссертации также использованы сведения автора данной работы и других сотрудников Института ЯЛИ КарНЦ о деревьях-знаках, записанные в 1970-1980 гг. Они хранятся в Фонограммархиве ИЯЛИ. Материалы по марийским деревьям-знакам (полевые дневники, рисунки и фотографии) изучались в Архиве Марийского научно-исследовательского института в Йошкар-Оле в 2006 г.

Полевые материалы по деревьям-знакам автор начал собирать с конца 1970-х гг. в Северной Карелии. В 1980-е гг. сведения о карсикко пополнились данными из Южной Карелии, с юга Мурманской обл. (карелы), Ленинградской обл. (вепсы), Валдайского р-на Новгородской обл. (карелы и русские). В 1990-е гг. были собраны значительные материалы в р-нах Северо-Восточной и Северной Финляндии, а также Северной Норвегии (1997). В ходе полевых исследований был приобретен практический опыт работы, который применялся позднее в изучении деревьев-знаков на более восточных территориях.

В 1998 г. состоялась первая экспедиционная поездка на восток Карелии, в Пудожский р-н (Водлозеро и р. Илекса), и в западную часть Архангельской обл. (Онежский р-н), которая оказалась особо значимой как по количеству, так и по качеству собранного материала. В ходе экспедиции выяснилось, что продвижение на восток открывает новые перспективы в изучении деревьев-знаков. В 1999 г. в составе комплексного отряда исследователей из Петрозаводска автор работал в Вытегорском и Вашкинском (Северное Белозерье) р-нах Вологодской обл., где обнаружилась устойчивая

традиция вырубания деревьев-знаков на кладбищах и «святых местах». Были зафиксированы и типологически сходные с карсикко формы - рекрутские «заломки».

В 2000-2001 гг. состоялись экспедиции в Коми. На Верхней Вычегде и Мезени были обнаружены аналоги карсикко на кладбищах, сенокосах, у промысловых изб и т. д. Последующие экспедиции на Кенозеро в Плесецкий р-н Архангельской обл. (2002), к русским, южным вепсам (2003) и тихвинским карелам (2004) Бокситогорского и Тихвинского р-нов Ленинградской обл., поморам Поморского (2003), Карельского и Кандалакшского берегов Белого моря (2005), на оз. Выгозеро в Среднюю Карелию (2006), значительно расширили представление о феномене деревьев-знаков как в географическом, так и в содержательном аспекте.

В 2006 г. по проекту РГНФ состоялась экспедиция в Марий Эл, итогом которой стало, в частности, предварительное определение южной границы явления карсикко. Деревья-знаки были обнаружены в священных рощах, у родников, на кладбищах, на перекрестках дорог и т. д. В 2007 г. в результате поездки в Котласский и Вилеготский р-ны Архангельской обл. были собраны данные по карсикко на «святых местах» и обнаружена развитая традиция вырубания деревьев-знаков на кладбищах и в церковных рощах.

Территориальные рамки исследования

Имеющиеся в нашем распоряжении источники о бытовании исследуемого явления на территории Севера Европейской России распределяются по регионам неравномерно. Собранный материал в некоторых северо-западных регионах в достаточной мере репрезентативен для картографирования типологических признаков явления. Не считая Финляндии, по которой материал практически картографирован, это Карелия и прилегающая к ней южная часть Мурманской обл., западные р-ны Архангельской обл., восток Ленинградской обл., в Вологодской области север Вытегорщины и Северное Белозерье. Остальные восточные территории можно картографировать только точечным методом.

Таким образом, территория, охватываемая данным исследованием, проходит полосой от Северной Норвегии через Северную Финляндию и южные р-ны Кольского полуострова, распространяется на всю Карелию в современных границах, охватывает восточную часть Ленинградской обл. (вепсы, тихвинские карелы и русские), запад Вологодской (Вытегорщина и Белозерье) и Архангельской обл. (Онежский и Плесецкий р-ны).

Из всего вышесказанного следует, что речь идет о территории расселения финнов, карел, эстонцев, вепсов, русских, частично саамов, латышей, шведов и норвежцев. В

качестве сравнения используются литературные источники и полевые материалы автора из Коми, Марий Эл, а также сведения по сибирским народам.

Хронологические рамки исследования по наличию письменных источников условно можно ограничить серединой XIX - началом XX в. Полевые материалы, в современном понимании этого слова, известны в диапазоне с начала XX в. по сегодняшнее время. Относительно сибирского материала следует заметить, что, будучи стадильно более ранним, он служит инструментом для проверки некоторых теоретических посылов данного исследования.

Новизна исследования

1. Впервые в отечественной этнографической науке рассматривается малоизученное явление народной культуры прибалтийских финнов – феномен карсикко.

2. Автором диссертационного исследования на основе многолетней экспедиционной практики разработана специальная методика сбора материала и фиксации деревьев-знаков.

3. В научный оборот вводятся новые оригинальные архивные и полевые материалы, а также малодоступные российскому читателю данные из финноязычных литературных источников.

4. В диссертации собрана и систематизирована имеющая отношение к деревьям-знакам терминология.

5. До последнего времени в научной литературе территорией распространения карсикко считалось финско-карельское пограничье и о его бытовании на более восточных российских территориях практически не было ничего известно. По новейшим разработкам и полевым материалам автора карсикко фиксируется в таежной зоне от Северной Швеции и Норвегии до Уральских гор и генетически восходит к культуре финно-угорских сообществ лесных охотников и рыбаков, населявших некогда всю вышеобозначенную территорию.

6. Разработка темы раскрыла широкие возможности как в исследовании раннеисторических представлений о природном мире, так и вопросов этногенеза и этнической истории, учитывая широкое распространение явления в циркумполярной и лесной зоне Евразии.

Методология и методы исследования

Методологической основой исследования послужили теоретические труды, посвященные ритуалу и семиотике культуры, М. Элиаде, В.Н. Топорова, А.К. Байбурина, С.Ю. Неклюдова, Н.И. Толстого, а также обобщающие работы по обрядности и религиозным культам отдельных народов Е.А. Алексеенко, Т.А. Бернштам, Г.М.

Василевич, И.Н. Гемуева, Г.Н. Грачевой, К.Ф. Карьялайнена, В.М. Кулемзина, М. Сармела, А.-Л. Сиикала, З.П. Соколовой, У. Холмберга, В.Н. Чернецова и др.

В настоящем исследовании применена комплексная методика и, прежде всего, сравнительно-исторический метод, с помощью которого раскрывается картина развития разностадиальных представлений, связанных с основными ритуальными действиями использования дерева-знака. Кроме того, для определения места и значения карсикко как ритуального символа в обряде используется структурно-семиотический метод. Для интерпретации языковых данных применялись методы этнолингвистического анализа. Автор использовал также метод картографирования, получив соответствующий опыт при работе над Атласом традиционной культуры Финляндии.

Апробация и практическая значимость исследования

Отдельные теоретические разработки и фактологический материал в изданных автором статьях оказались стимулом для выхода близких по тематике научных работ других ученых, см. работы М. Сармела, Х. Рюткёля, Т.А. Бернштам, В.А. Галиопы, О.М. Фишман, М.В. Пеньковой, Д.Ю. Ефремовой¹⁵. На статьи автора по данной тематике существует большое количество ссылок в самых разных работах отечественных и зарубежных исследователей.

В настоящее время авторская методика сбора материала по теме диссертации используется в работе над проектами: «На Карельском берегу Белого моря (Создание фотоальбома)», грант Фонда культуры Финляндии (2010-2011); «Календарные праздники и карта сакральных мест Кенозерья» (РГНФ-2011), представляющего собой продолжение проекта 2009 г. «Комплексное экспедиционное обследование Кенозерья» (рук. А.П. Конкка). Проводится совместная полевая деятельность по фиксации деревьев-знаков и сакральных объектов с Национальным парком «Водлозерский» (1998, 2005, 2008).

Статьи автора по карсикко представлены на многих интернетовских сайтах, связанных с культурой, народоведением и туризмом¹⁶.

Основные положения диссертации изложены в 14 докладах, прочитанных на 8 международных, 6 российских и финляндских научных конференциях.

¹⁵ Sarmela, 1994, s. 48-51; 53-56; Rytkölä, Heikki. Viimeinen koti. Venäjän Pohjois-Karjalan kyläkalmistojen kuva / Oulun yliopisto. Lönnrot-instituutin julkaisu n:o 11. Jyväskylä, 2009; [Бернштам Т.А., 1992], Галиопа В. [Полевые финно-угорские исследования // <http://www.komi.com>], Фишман О.М. Mečän-iz'ändä - карельский леший (к реконструкции образа) // Проблемы этнической истории и межэтнических контактов прибалтийско-финских народов. – СПб: Российский этнографический музей, 1994. С. 86-95; Пенькова М.В., Ефремова Д.Ю., Конкка А.П. Материалы по духовной культуре марийцев (священные места и природные духи) // Проблемы духовной культуры народов Европейского Севера и Сибири. Гуманитарные исследования. Вып. 2. / Ред. А. Конкка. Петрозаводск, 2009. С. 376-415.

¹⁶ Полевые финно-угорские исследования (<http://www.komi.com>); Центр изучения традиционной культуры Европейского Севера (<http://folk.pomorsu.ru>), Научные публикации о Сямозерье (<http://syamozero.ru/index.php?title>); Научная электронная библиотека (<http://elibrary.ru/item.asp?id=15507605>) Отдых в Карелии (<http://www.all-karelia.ru/discussion.html?discussion=1&page=3>) и др.

Результаты исследования были использованы также сотрудниками музеев при подготовке экспозиций «Народы Северо-Запада России» (РЭМ, СПб), «Калеватар» (КГМ, Музей «Кижи», Петрозаводск); этнографических выставок в районных музеях Карелии и Северной Финляндии, в частности в Народном училище Куусамо появилась ежегодная традиция установки дерева «Карсикко Иванова дня».

Тема деревьев-знаков имеет широкое прикладное значение в современной культурной жизни населения РК и уже доказана ее востребованность. На ГТРК «Карелия» в 2004-2005 и в 2006-2007 гг. вышло несколько видеосюжетов, посвященных «карсикко». На Карельском радио подготовлено две радиопередачи об исследовании деревьев-знаков. Государственный ансамбль «Кантеле» назвал одну из своих программ «Карсикко». По теме диссертации автором дано более десяти интервью в различных финских и российских СМИ, прочитано 6 публичных лекций в музеях, библиотеках, университетах и других учебных заведениях. В финских университетах Тампере (1992), Хельсинки (1993), Йоэнсуу (1998) и Оулу (1999, 2000, 2001) в рамках различных проектов прочитаны курсы лекций по карельской традиционной культуре, в которых отдельные разделы были посвящены финскому и карельскому карсикко. В Петрозаводском университете студентам факультета прибалтийской филологии и культуры автором ежегодно читается курс лекций о духовной культуре карел, включающий материалы о деревьях-знаках прибалтийско-финских народов.

Структура работы. Работа состоит из введения, трех глав, заключения, словника, списка использованной литературы и приложения с иллюстративным материалом. Структура глав и разделов внутри них примерно следующая: основной материал (базовый материал по карелам и финнам), сравнения с другими территориями, где зафиксированы подобные явления, промежуточные выводы.

I. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обоснованы актуальность темы, степень ее научной разработанности, новизна и практическая значимость, проанализирован комплекс источников, определены объект и предмет исследования, территориальные и хронологические рамки, цели и задачи, методика.

В первой главе «Промысловое карсикко» рассматривается использование деревьев-знаков при ловле рыбы и добыче зверя, их формы изготовления и ритуальные функции. Промысловое карсикко один из древнейших видов, вне пределов Финляндии практически не исследованный. Новые материалы значительно расширяют сложившееся в

литературе представление о данном явлении. Сравнение с традициями народов Северной Евразии помогает выстроить материал в диахронической последовательности.

В первом разделе главы «Промысловое карсикко на территории Финляндии» представлены формы данного явления, зафиксированные, главным образом, в Лапландии и Северной Финляндии. Привлечены также полевые материалы автора из Финнмаркена (северная Норвегия). Деревьями, у которых обрубались ветки, отмечались в основном богатые рыбные места - тони. Карсикко делали и на местах удачного жемчужного промысла. Промысловики могли отметить при помощи карсикко не только тони, но и местность вокруг своего временного пристанища в лесу. В данном случае функции карсикко были связаны с освоением пространства.

К территории промыслового карсикко с северо-запада примыкает область распространения так называемых «керипя» (*keripää*) или «столбов» (*pattas*), обычно метровой или полутораметровой длины, вырубленных в стоявших на корню деревьях. На территории финской Лапландии такие «столбы» еще в конце XIX – начале XX в. можно было встретить в лесу, на тонях, на местах жемчужного промысла, охоты на оленей. Как отмечал Х. Аппельгрэн, после удавшегося лова на тони ставили «рыбный столб в честь воды». Верхнюю часть пня обрубали в виде воронки, так что в ней «в какой-то степени» можно было усмотреть человеческие черты. В рыбных местах по берегам рек «столбы» стояли группами — до десятка и более в одном месте (так, на одной из тоней в приходе Кемиярви было зафиксировано более 70 столбов). На месте лова раковин жемчужниц на р. Юмискойоки на столбах были вырезаны даты и родовые знаки. Самые ранние даты приходились на 1763 и 1789 гг., оба столба были снабжены русскими прописями. Х. Аппельгрэн приписывает вышеупомянутые столбы промышлявшим в Северной Финляндии жемчуг беломорским карелам.

Некоторые исследователи начала XX в., например Й. Леппяхо, выделяют в отдельную группу «антропоморфные столбы», возможно являвшиеся изображением «богов» у живших здесь ранее саамов. Не отрицая тенденцию к антропоморфизации изображений, следует помнить, что многие ранние формы деревянной скульптуры у северных народов выполнялись «техникой зарубок» и могли лишь отдаленно напоминать человекоподобное изображение. По нашему мнению, на первый план здесь выступает не антропоморфность, а функция знака, в котором заложены гораздо более широкие смыслы. Человекоподобное изображение есть лишь одна из форм отражения семантики ритуального символа. Как антропоморфная кукла, дерево (или ветка от него), человек или текстильное изделие могут в обряде быть тождественны по смыслу, так и затес как знак, сделанный на дереве, по своей сути изоморфен всем знакам, сделанным на нем от дерева с

обрубленными ветками до вырубленного в его пне антропоморфного изображения. Дерево с затесом и промысловый столб-карсикко антропоморфного вида выполняют одну и ту же функцию.

Й. Леппяхо обращает внимание на близость карельского промыслового дерева-карсикко и севернофинских столбов, приводя материал М. Ювас из Рованиеми, где она прямо называет промысловые столбы «промысловыми карсикко» (*saaliskarsikko*). Автор солидарен с выводом Й. Леппяхо о том, что севернофинские промысловые деревья-карсикко как явление имеют свои истоки в Карелии. Учитывая сильное карельское культурное влияние на севере Финляндии, традицию вырубания промысловых столбов следует, вероятно, рассматривать как явление, имевшее место в саамской традиции, на которую наложились карельские и саволакские¹⁷ обычаи, связанные с промыслом.

Во втором разделе первой главы «Промысловое карсикко в Карелии» представлен материал из Беломорской и северной части Олонецкой Карелии. В Вокнаволоцкой вол., делая карсикко в местах тоней, «благодарили водяного, что дал рыбы». В связи с промысловым карсикко упоминается и Святой Петр. При упоминании имени святого (или без него) обращались непосредственно к дереву с просьбой о хорошем улове. В Юшкозерской вол., например, «дерево можно было уже во второй раз просить, чтобы оно дало рыбы». В Ребольской вол. обыкновением рыбаков было перед ловом обещать сделать карсикко для «водяной хозяйки» (*vejen emäntä*). Карсикко обрубал кормщик - старшина рыболовной артели, который сидел во время подъема невода на корме лодки. Ствол такого дерева очищался от ветвей недалеко от вершины примерно на длину сажени.

В Вокнаволоцкой вол. несколько веток на дереве было принято оставлять с северной стороны. Примечательно, что эта деталь характерна также для карсикко умершего, и, возможно, связана с древними представлениями о нахождении мира мертвых на севере. В Карелии встречается и такая форма карсикко на рыболовных тонях, как «кресты» - вставленная в зарубку на дереве широкая и длинная щепка. «Кресты» делались также на охотничьих тропах и служили указателями направления движения. В Северной Финляндии с помощью таких «крестов» создавался магический круг вокруг умершего в лесу человека, при этом их роль воспринималась, прежде всего, как охранительная. На карельском Водлозере два подобной конструкции «креста» маркировали вход на кладбище. Таким образом, налицо использование одной специфической формы карсикко в разных обрядах. Данное «смещение функций» карсикко носит, скорее всего, древние черты. По мнению У. Холмберга, карелы наряду с древними финнами имели особенно тесные взаимоотношения с умершими родственниками, от которых зависело

¹⁷ Саволаксы - родственная карелам по происхождению восточно-финская этническая группа.

функционирование структуры родовой организации. Отсюда апелляция к предкам и использование для этого единой формы знака в разных жизненных ситуациях.

Совмещение функций карсикко умершего на берегах озер с промысловым карсикко заставляет предположить возможность более широкого распространения в прошлом подобного соединения двух видов деревьев-знаков. Данные материалы могут являться свидетельством забытых представлений, когда дерево, посвященное умершему родственнику, могли просить об охотничьей и рыболовецкой удаче, как это делали у «дерева Святого Петра» северные карелы или саамы, обращаясь к своим деревянным сейдам, «хозяевам» данной местности, являвшимся семейно-родовыми духами-охранителями и имевшим множество черт, связывающих их с культом умерших.

В разделе «Об охранительной функции промыслового карсикко» рассматриваются сведения, указывающие на оберегательную функцию карсикко. У. Холмберг писал, что вырубание карсикко «в честь водяной хозяйки» или «в память об улове» было в российской Карелии «магическим действием», но жертвоприношения в связи с вырубанием карсикко неизвестны. По мнению других исследователей (например, К. Карьялайнена), изготовление карсикко было жертвоприношением природным духам.

Как в материалах по финской Лапландии, так и в Карелии обращает на себя внимание одна и та же особенность: вырубание промыслового карсикко следует, как правило, за необычайно большим уловом. Это позволяет предположить, что, помимо «жертвы водяному или лешему», карсикко служило оберегом, связанным с определенными взаимоотношениями между потусторонним миром и миром людей. В природе, по ранним представлениям человека о мире, все сбалансировано и детерминировано, отсюда все необычное потенциально опасно. Какое-то ранее невиданное явление предвещает несчастье, означая, что равновесие в природе нарушено. Так, по верованиям карельского и восточнофинского населения, «кто поймает странную, невиданную доселе рыбу, у того в доме умрет в том году хозяин или хозяйка, случится пожар или произойдет другое несчастье. Также и на редкость крупная рыба или необычно большой улов предвещает смерть рыбаку или его домашним». Таким образом, вырубание промыслового карсикко могло выступать в качестве инструмента предотвращения кризисной ситуации. Карсикко было наделено охранительными функциями уже в силу того, что дерево в ритуале являлось заместителем Мирового древа – оплота и главного охранителя Вселенной.

Раздел «Лицина на дереве» посвящен связанным с промыслом антропоморфным изображениям на деревьях, распространенным на пограничной финско-карельской территории, в Карелии и на Европейском Севере; сравнению их с некоторыми сибирскими

аналогами; рассмотрению различных интерпретаций этих знаков в работах исследователей XX в.

Автором делается вывод о том, что наличие вырезанного на дереве «мужского лица» (*miehenkuva*) не означало собственно изображения божества, хотя вырезание личин на священных местах и изображения высших небесных духов имели место. Скорее, изначально антропоморфная личина на промысловом карсикко использовалась как способ обозначения особого рода «жизненности» дерева-знака. Отмеченное личиной дерево представляло собой знак неординарной ситуации, когда происходил незапланированный, внезапный контакт между духом и человеком, между двумя отдельно существующими мирами. Например, кеты делали изображение «кайгусь» (матери пушных зверей) при неожиданном, особенно удачном промысле. Здесь мы имеем повторение известной ситуации: изображение делается после того, как пришла неожиданная и особенно большая удача в промысле.

В разделе «Звериные затесы и возрождение промыслового животного» анализируются формы деревьев-знаков, возникшие по случаю добычи зверя, определяются их функции. Для решения этого вопроса автор обращается к дискуссии В. Н. Чернецова с К.Ф. Карьялайненым и С.В. Ивановым - сторонниками чисто информативной функции сибирских «звериных затесов» на деревьях. Аналогии сибирским затесам имеются и на севернофинских промысловых столбах. Известны также промысловые деревья-карсикко, на которых вырезались даты и имена; например, на «медвежьем карсикко» - сосне, на которую вешали медвежьи черепа после проведения обряда «похорон» медведя в Восточной Финляндии. В. Н. Чернецов в споре со своими оппонентами справедливо обращает внимание на то, что любые знаки на дереве имели, помимо чисто информационной стороны, некую мифологическую нагрузку. Изображение животного являлось убежищем, вместилищем души убитого зверя, которое было необходимо до тех пор, пока не наступит момент «возрождения» зверя, т.е. до полного восстановления утраченного им тела.

В заключительном разделе первой главы «Дерево-посредник и космологическая функция изображений» делаются некоторые общие выводы относительно роли карсикко как посредника между мифологическими мирами, о роли изображений на нем и о процессе превращения карсикко - секундарного духа-охранителя в духа определенной местности.

Одна из основных функций карсикко была в посредничестве между миром людей и потусторонним миром, миром духов, приобретая, в ряде случаев, как считает Е. С. Новик, персонологические характеристики. Кроме того, сама посредническая роль дерева-

карсикко, соединяющего миры, имеет вполне определенные космологические функции. Наиболее ярко это проявляется в случае нанесения на дерево магических знаков – символических изображений космологического уровня.

Во второй главе «Карсикко в обрядах инициации» выявлены и проанализированы ситуации, в которых фигурирует дерево неопита. Оно обрубалось, обламывалось или затесывалось в момент, когда: 1. новый член артели впервые отправлялся на коллективную охоту или рыбную ловлю; 2. молодой человек, достигший половой зрелости, совершал первую поездку в город или на праздник; 3. рекрут отправлялся в армию; 4. молодуха переезжала в дом супруга или впервые участвовала в работах вне дома на родовых землях мужа; 5. человек впервые оказывался в незнакомой местности. Автором был сделан вывод о том, что изготовление карсикко обычно знаменовало окончание обрядов инициации, было их материальной манифестацией. На карте Финляндии карсикко иницируемого представлено достаточно широко и по терминологическому признаку делит территорию на северную и южную части. На севере дерево неопита называлось «хуррикас» (*hurrikas*), на юге - *karsikko*.

В разделе «Хуррикас» приводятся данные об обычаях финского населения Северо-Восточной Швеции (Лянсипохья), связанных с первым появлением в новом месте гостя или работника (в доме, деревне, на работах в лесу или на сенокосе), которому делалось хуррикас: у дерева обрубались все ветки, кроме одной, которая указывала направление, откуда появился гость. Такое дерево было «знаком почтения», делалось «на память», этим действием «желали счастья», оно воспринималось как определенная ценность. За карсикко полагалось чем-то одарить сделавшего его - монетами, платком и пр.

Далее представлен анализ парадигмы значений понятия «хуррикас». В Лянсипохья и в финской Лапландии *hurrikas* имеет два значения: дерево (а также вырезанное из дерева изображение «в честь прибывшего») и сам иницируемый. На более южных территориях известны и другие значения: глагол *hurritaa* означает ‘нищобродствовать’, ‘собрать помощь на свадьбу’; *hurrikas* это ‘угощающий проситель’; человек, за какое-нибудь мелкое угощение получающий пай от улова рыбы или «все, чем могут обитатели дома поделиться» в праздник (особенно в Рождество). Двумя основными группами значений слова *hurri* являются: 1. растительность в широком смысле и 2. чужак, человек из другой местности, говорящий на другом диалекте или языке.

Слова *hurri* в значении ‘чужак’ и *hurrikas* ‘иницируемый’ объединяет момент переходного состояния, т.е. человек в отсутствие определенного качества и человек в момент смены социального статуса оказываются в очень близкой ситуации, характерной уязвимостью для вмешательства потусторонних сил; находятся в состоянии, часто

называемом переходным, потери жизненной силы и покровительства духа-охранителя. Помимо *hurrikas* 'нищий', *hurri* могли называть также жениха, а на большей части Карелии и в Восточной Финляндии слово *huri(e)* обозначало еще и помешанного человека. Что касается нищих, то уже само отсутствие статуса и «рода-племени» вело к осознанию их неполноценности и, как следствие, приписыванию им связей с потусторонним миром. Ю. Х. Тойвонен объединяет основу *hu(u)* с понятиями 'душа умершего', 'человеческая душа', находя ей соответствия в финно-угорских, германских и других индоевропейских языках. Следует отметить, что термины с начальным *hu-* (ср. также *-uh*, напр. «дух»), обозначающие мифологических персонажей, имеют широкое распространение и связаны со звукоподражанием.

В разделе «Карсикко неопита» приводятся ритуалы, связанные с термином *ensikertalaisen karsikko* (букв. «карсикко новичка»). Смена названия дерева с «хуррикас» на «карсикко» на более южных финских территориях не меняет сути, а во многих случаях и формы сделанного карсикко (за исключением особых саволакских обычаев), но в материалах появляется масса характерных для данных местностей деталей. В Южном Саво зафиксированы особые формы карсикко: *karsikkokuja* коридор из воткнутой в землю обрубленной с дерева ветвей и *karsikkokatos* букв. «навес-карсикко». Обращает на себя внимание обилие фактов вырубания карсикко на пожнях, которое также известно в Северной Финляндии и Карелии (Ухтинская, Юшкозерская и Панозерская волости) как своего рода обряд, завершающий свадебный ритуал, т.е. речь идет о свадебном карсикко, которое делали около дома молодых или вне поселения, на землях рода мужа. Так или иначе, делались ли знаки на дереве с целью приобщения нового члена семьи к родовым и домашним духам или же защиты его при освоении чуждых пространств, местоположению карсикко в большинстве случаев присуща пространственная маргинальность.

В Восточной Финляндии широко распространенным был обряд вырубания карсикко человеком, впервые совершавшим поездку в город, на ярмарку или праздник, которого в восточных и северных областях страны называли *härkäpoika* (*härkä* — «бык», *poika* — «мальчик, парень») или *hurrikas*. Он должен был устроить трапезу для своих попутчиков (*härkiäiset*, *härän tappajaiset*) по поводу «убийства быка» и вырубить карсикко около дороги недалеко от населенного пункта. Холостой оставлял верхушку (все нижние ветви обрубались), женатый — две ветки наверху, вдовец же отрезал вершину дерева. После этого сделавший карсикко подносил присутствующим чарку вина, которую выпивали, сидя на обрубленных ветвях, раскладываясь по обе стороны тропы, ведущей к основанию дерева. Оставляемые на карсикко несрубленные «знаковые ветки» могли означать сам объект, а по материалам из Ухтинской вол., и будущих детей

(ветки от свадебного карсикко кладут в подол молодой с пожеланием: «Половина мальчиков, половина девочек!»). Ветку от карсикко могут отдать путнику, чтобы тот снова приехал.

В разделе «Карсикко промысловика» систематизирован в основном карельский материал по теме, которая объединяет карсикко неопита с промысловым карсикко. В Финляндии редко встречаются данные о карсикко как элементе обрядов инициации, проводящихся в момент приобщения молодого промысловика к охотничьей или рыболовной артели после добычи им первого зверя, птицы, рыбы. Исключение составляют лесные финны Швеции. Как замечает У. Холмберг, если бы не «знаковые ветки» (*merkkioksat*), специально оставляемые на обрубленном месте ствола, которые в Финляндии указывали направление, откуда прибыл гость, а в Карелии обозначали живы ли родители неопита (т.е. чисто «индивидуальные показатели» численности семьи с «уклоном» в сторону родовых связей и мира умерших родственников), в иных случаях невозможно было определить, вырублено ли карсикко по поводу инициации или по поводу большого улова рыбы или добычи зверя. Для каждого нового члена артели надо было сделать свое карсикко. Верили, что если дерево засохнет или вершина его будет плохо расти, то у человека, которому оно сделано, век будет недолгим.

В разделе «Карсикко рекрута» представлены данные из Беломорской Карелии о карсикко, сделанном уходящим на войну рекрутом на месте расставания с родными и выявляющим магическую связь между карсикко и вырубившим его человеком (состояние дерева есть показатель здоровья человека). Рекрутские заломки известны в Ленинградской и Вологодской областях (вепсы, русские), Костромском крае и Удмуртии. Некоторые похожие формы, касающиеся прощальных деревьев, зафиксированы также у саамов и якутов, у последних по материалам XVIII в. Карсикко служит эмоциональным медиатором между рекрутом и ожидающими его из армии родными. На материале карсикко новобранца также хорошо видно, как одна форма или функция карсикко близка другой: карсикко новобранца в карельском материале превращается в карсикко умершего, единственный материальный знак о погибшем в отсутствие могилы.

В последнем разделе главы «Мирча Элиаде и его теория обряда инициации» автор с целью подтверждения достоверности прибалтийско-финских мифологических представлений, смысла ритуалов привлекает аналогии из книги М. Элиаде «Тайные общества. Обряды инициации и посвящения» (1998), в которой собран международный материал о функции дерева в обрядах посвящения. Речь идет о том, что иницируемый для выполнения обряда перехода из своего старого состояния в новый социальный статус должен был карабкаться на дерево – часть обряда посвящения, довольно широко

распространенная на разных континентах.

По мнению М. Элиаде, подъем – один из самых древних религиозных способов личного общения с божественными и полубожественными Существами, живущими на Небе. Помимо общения с Богами, «подъем на небо» и создание дерева-знака связано с обретением утраченного в ходе сложившейся критической ситуации духа-охранителя (через использование продуцирующей жизненности вечнозеленой или ежегодно возобновляющейся растительности). Подъем легко можно назвать и оберегом.

В третьей главе «Карсикко умершего» рассматриваются способы обозначения и функции дерева-знака в погребальном обряде. Карсикко умершего в разных ареалах своего бытования различалось по терминологии, расположению на местности и наносимым на дерево знакам.

В первом разделе главы «Крестовые деревья» представлен обычай вырезать кресты на определенном дереве или в роще во время следования похоронной процессии на кладбище. У дерева участники похорон останавливались, выпивали «чарку» в честь умершего и вырезали на дереве крест и год смерти. Народное объяснение этого обычая сводилось к тому, что дух погребенного на кладбище покойника, стремящийся в свой дом, не мог преодолеть преграду, создаваемую карсикко с оберегающими магическими знаками.

«Крестовые деревья» в основном известны на Карельском Перешейке и частично в Северном Приладожье, а также значительно южнее – в Ингерманландии, Эстонии и северной Латвии. Вероятнее всего, на Карельском Перешейке сложилась своя маргинальная зона по отношению к центральной карельско-саволакской территории бытования традиции, а различные знаки, вырезаемые на дереве, могли, таким образом, появиться в результате позднего осмысления обычая, что подтверждается материалами, восходящими к XVI – XVIII вв.

В разделе «Карсикколаута» приводятся материалы об одной из таких поздних форм, как прибываемая к дереву специальная деревянная табличка с годом смерти (или датами жизни) покойного или другими знаками (например, «гамгой» - фамильным родовым знаком или инициалами умершего), на которой мог быть вырезан и крест. В Саво карсикколаута (*karsikkolauta* ‘доска карсикко’) была прямоугольной (примерно 15 x 25 см), но были и крестообразные, полукруглые и «полуромбовидные», а также такие, у которых верхняя кромка была резная. В Саво зафиксирована также доска антропоморфной формы. Карсикколаута имеет сходство с дощечками из дерева или жести, которые до сих пор можно встретить на старых финских кладбищах. У. Холмберг отмечает, что в западных районах Финляндии не зафиксировано каких-либо форм

карсикко умершего, «если не считать тех, отмеченных знаками деревьев, которые можно увидеть на местах, где кто-то стал жертвой несчастного случая или насильственной смерти». Наши исследования, тем не менее, показали, что обычай укрепления на деревьях дощечек со знаками покойного по пути следования похоронной процессии зафиксирован еще западнее – в Средней Швеции.

В разделе «Затесывание и обрубание ветвей» дается анализ двух основополагающих форм карсикко умершего, которые так или иначе фиксируются на всей территории бытования обычая: 1. деревья, у которых обрубали ветки; 2. деревья, на стволах которых вырубали затес (а потом вырезали знаки). Мы согласны с выводом Я. Вилкуна, картографировавшего эти две формы на территории Финляндии, что обрезание ветвей и затесывание дерева составляют единую традицию. По нашим наблюдениям, на севернофинских и карельских кладбищах или около них (эти данные на картах Вилкуна отсутствуют) на карсикко с обрезанными ветками в большинстве случаев находились и сделанные в стволе затесы или вырезанные прямо в коре дерева знаки (на одном дереве их могло быть несколько). Однако случаев вырубания затеса на дереве без обрубания его ветвей было зафиксировано больше. В связи с вопросом о времени вырубания затесов Я. Вилкуна упоминает случай дендрохронологического анализа «поповской сосны» из Суомуссалми (Северная Финляндия), на которой самые ранние даты относились к 1750-м гг., причем первый затес был сделан в 1742 г. Сосна начала расти в середине 1440-х гг., а засохла в середине XX в.

По данным Я. Вилкуна, затесывание дерева умершего (*liktall*) и вырезание на нем инициалов, дат и крестов зафиксировано также в 4 ленах Средней и Северной Швеции, в том числе и в провинции Вермланд.

Раздел «Материалы К. Хорнборга о саволакском карсикко: актуальные вопросы» посвящен анализу статьи К. Хорнборга (1886) о саволакских карсикко, без ссылок на которую не обходилась ни одна серьезная работа о финских карсикко умершего. К. Хорнборг в своей статье наметил генезис некоторых форм карсикко. Он утверждал, что в недалеком прошлом карсикко – это родовая (или семейная) жертвенная роща, образовавшаяся из карсикко умерших, т. к. поначалу для каждого умершего члена рода отмечалось отдельное дерево в специально оставляемой роще около дома. После того как появлялось первое карсикко, в рощу начинали приносить жертвы – первые плоды урожая и все то, чем дом «разжился» в течение года. Впоследствии под влиянием церкви роща сократилась до одного единственного дерева, на котором оставляли знаки всех умерших в роду.

Эта теория неоднократно подвергалась сомнению в работах последователей. Автор диссертации на основе собранного материала представляет свою позицию: однозначного ответа на все вопросы, поднятые К. Хорнборгом, дать практически невозможно в силу того, что карсикко генетически связано как с почитаемыми рощами, так и с жертвоприношениями, что подтверждается приводимыми многочисленными фактами.

С целью аргументации автор обращается к системе «дорожных карсикко», которые по разным поводам делались в окружающем человека пространстве, были инструментом освоения окружающего мира, структурировали его, обозначая материальные и мифологические границы. Сама эта структура создавала условия для включения в нее карсикко умершего. Поэтому в том, что в определенный исторический период какая-то из форм карсикко умершего получала особое развитие (те же «крестовые деревья» или карсикколаута в Восточной и Юго-Восточной Финляндии), соединяла разные функции, нет ничего неожиданного. Если рассматривать карсикко умершего не только как инвариант надгробного знака, а как знак обозначения пути, дороги покойника, необходимой вехи для перехода в иной мир, то в происхождении обсуждаемой формы карсикко умершего «на путях» появляется своя логика.

Однако исследование автором (начиная с 1970-х гг.) 210 кладбищ Европейского Севера, позволяет утверждать, что на территории хвойных лесов от Финмаркена и Северной Финляндии до Среднего Поволжья кладбища являются настоящими рощами карсикко. В разделе «Карсикко в кладбищенской роще» приводятся основные характеристики севернофинских и карельских кладбищ, а также некоторые материалы по восточным территориям, относящимся к данной теме.

О наличии карсикко на кладбищах в Северной Финляндии до 1990-х гг. ничего не было известно. Более того, существовало устойчивое представление о том, что карсикко умершего вообще ограничивается территорией финляндской Карелии, Саво и Средней Финляндии, а у православного населения российской Карелии оно не зафиксировано. Дело в том, что та форма карсикко умершего «на путях», которая была преобладающей в Саво и финляндской Северной Карелии, в российской Карелии отсутствовала. Во время экспедиций 1990-2000-х гг. автор предпринял попытку поиска карсикко на самих кладбищах, которая оказалась удачной. Наличие карсикко как на православных (в Карелии), так и на севернофинских лютеранских кладбищах в губерниях Оулу и Лаппи доказывает то, что современная конфессиональная принадлежность населения не имеет значения; феномен карсикко гораздо древнее распространения лютеранства в Финляндии (XVI в.) и православия среди карел (XIII в.). Карсикко на кладбищах в Северной

Финляндии, судя по всему, связано с влиянием карельского населения, которое осваивало эту территорию вслед за саамами.

Приводя описания карельских кладбищ, автор указывает на одно противоречие, которое всегда приводило в замешательство многих исследователей, когда речь заходила о вырубании карсикко в сакральных местах наподобие почитаемых рощ и кладбищ. Как правило, на кладбищах и в священных рощах запрещено рубить деревья. Несмотря на этот общий запрет, на кладбищах и вообще в местах, связанных с опасностью негативного воздействия потусторонней силы, ставят кресты или вырубают знаки на деревьях. Эти факты на фоне запретов (например, не трогать ничего, растущего на кладбище) следует интерпретировать как нарушение табу, происходящее в момент совершения обряда по определенным традиционным правилам.

В разделе «Антропоморфные изображения» приводятся факты нанесения на деревья и могильные сооружения человекообразных «личин» у саамов, поморов Кольского полуострова, северных финнов и карел. В разделе приводятся подробные описания девяти из них.

Функции антропоморфных личин и изображений на крестах выявляются в рассказах каменных саамов, зафиксированных Т.А. Лукьянченко: «обеспечение спокойной жизни умершему «на том свете» и сохранение какой-то связи между умершим и его родственниками, которые всегда могли прийти на могилу и увидеться с ним»¹⁸. Они вполне соотносятся с выводами сибиреведов об изображении - «заместителе умершего»: изображение являлось убежищем, временным вместилищем души, было необходимо для перехода объекта в иной мир и повторного его возрождения или реинкарнации, приобретения им вновь телесной формы в этом мире.

Заключительный раздел главы «Карсикко: дорога в потусторонний мир или место обитания духа?» посвящен определению мифоритуальной функции карсикко в похоронном обряде и роли «дерева мертвых» в представлениях, связанных с потусторонним миром.

Рассмотренные в этой главе материалы дают основание говорить о связи карсикко с некой эманацией души человека. Карсикко выступало как в роли оберега, так и, одновременно, в роли новой сущности человека, находящегося в кризисной ситуации на промысле, в чужой местности, в момент смены статуса, будь то инициация или свадебный обряд. Сотворение духа-охранителя (оберег) в момент кризиса и дальнейшее его

¹⁸ Лукьянченко Т.В. О некоторых особенностях погребального обряда кольских саамов // Природа и хозяйство Севера. Вып. 9 / Географическое общество СССР. Северный филиал. Мурманск, 1981. С. 91-95.

«почитание» – данная линия обрядовых действий характерна для всей мифологической парадигмы, связанной с карсикко.

Богатый материал зафиксирован у «лесных финнов» Швеции. Здесь с карсикко умершего здоровались; живущему в нем духу приносили жертвы (кропили кровью, оставляли монеты, лоскутки ткани, под деревом трапезничали и лили пиво); одну из отрубленных от карсикко веток клали на гроб, а потом опускали в могилу; две ветви клали у ворот кладбища во время похорон, затем вдова брала их домой и держала в своей постели до того момента, пока не осыплются иголки, при этом она видела вещие сны. По материалам Л. Кеттунена, души умерших жили на чердаке дома до момента разложения тела, после чего «через карсикко» уходили окончательно на церковное кладбище. Эти рассказы о карсикко, записанные в Швеции в 1930-1931 гг. подвергались сомнению самими же собирателями, настолько они отличались от зафиксированных в Финляндии сведений. Однако сравнительный материал по другим народам, приведенный автором, позволяет утверждать, что к этим записям стоит отнестись со всей серьезностью. «Реабилитированные» данные, восходящие, вероятно, к XVI в. (времени переселения саволаксов в Швецию) дают нам основание утверждать, что по древним верованиям дух умершего какое-то время находится в/на дереве-карсикко, например в виде белой птицы, сидящей на нем.

Карсикко (или его части) соотносимо с «заместителями умершего» сибирских народов, которые считались временными вместилищами души человека.

Таким образом, карсикко дуалистично по своей природе. Оно одновременно выступает как в функции дороги на тот свет, так и в функции местопребывания духа (мост и вместилище души), осуществляет связь с умершим, являясь его духом-охранителем, ответственным за переход души в иной мир.

В **Заключении** подводятся основные итоги исследования, обобщаются выводы, частично сформулированные в главах работы, намечаются перспективы дальнейшего изучения.

Анализ литературных и архивных источников, материалов полевых исследований, проведенных в ареале проживания прибалтийско-финских народов, позволил собрать воедино и по возможности классифицировать разрозненные сведения о феномене карсикко на Европейском Севере. Сравнительные материалы из соседних регионов и отдаленных сибирских территорий показали наличие общей функциональной и ритуальной основы, а также основных способов обозначения дерева-знака во всей зоне хвойных лесов Евразии, что позволило подтвердить многие догадки о ритуальных

функциях и генезисе явления карсикко, сформулированные для прибалтийско-финского региона.

Способы обозначения дерева-знака в основном укладываются в следующий ряд: обрубание вершин и веток на дереве (при этом через некоторое время возможна повторная «формовка», т.е. придание дереву определенной формы, например, «лирообразной»); окорение вершины или части веток; затесывание ствола или вырубание в стволе глубокой (иногда многоступенчатой) зарубки; вырезание в затесе или в стволе различных знаков: линий, крестов, родовых клейм (тамг), инициалов, дат (в том числе на специально изготавливаемой табличке *karsikkolauta*), зооморфных или антропоморфных изображений. Обработка дерева происходила при помощи топора или ножа. В случае с вырубанием карсикко в жестко табуируемых «священных» рощах, в том числе в кладбищенских, где трогать ничего без надобности не разрешается, эти действия носили характер ритуальной порчи. Таким образом, уже само по себе наличие обрубленных веток на кладбищенских деревьях является индикатором присутствия в данном районе традиции обрядовой обработки дерева.

Благодаря предпринятым полевым изысканиям автора, стало возможным расширить область распространения обычая вырубания карсикко на всю историческую территорию проживания прибалтийско-финского населения, т. е. практически на весь север Европейской части России. Столь обширная территория бытования обычая, несомненно, подтверждает древность данной традиции. Если северная граница описываемого явления на территории Восточной части Северной Европы проходит по северной кромке хвойных лесов, то южная пока остается неопределенной на большей территории Европейского Севера. На сегодняшний день известны только два региона, где можно примерно определить южную границу явления. Это две крайних точки: на западе Северная и Средняя Литва и на востоке предположительно южная граница Марий Эл.

Кроме того, соотносимые с северо-западным ареалом формы и ритуально-мифологическая основа обработки дерева в Сибири, а также отдельные факты, зафиксированные в Северной Америке, позволяют говорить об универсальном характере данного явления, по-крайней мере в зоне хвойных и хвойно-лиственных северных лесов.

В диссертации были выделены три вида карсикко: промысловое, иницируемого человека и умершего. Несмотря на то, что два последних вида связаны с классическими обрядами перехода, а первый с традиционными таежными промыслами, их объединяет общая мифологическая основа: карсикко делается в ситуации кризиса, для которой характерно нарушение обычного хода событий, связанное с вмешательством потусторонних сил и представляющее опасность для человека. В обрядах перехода это

был «пороговый» период состояния временного небытия, отсутствия у человека части жизненной силы, личного духа-охранителя. Карсикко, помимо своей защитной функции, играло одновременно роль связующего звена, моста между мирами. Наиболее ясно это выразилось в случае с карсикко, вырубаемым в ходе похоронного обряда: оно служило местом привязки бродячей души умершего, местом ее обитания и, одновременно, инструментом для ее будущего возрождения. Аналогии с представлениями о возрождающейся душе животного и некоторые верования сибирских народов о родовом небесном дереве – хранилище бессмертных душ – дают основание для реконструкции древних верований и объяснения ритуальных действий, отчасти, вероятно, утерянных в ходе эволюционных изменений в западных областях таежного пояса Евразии.

Широта ритуально-символической парадигмы карсикко, различие форм и способов обработки дерева связаны, прежде всего, с мифологическими представлениями о дереве и его роли в жизни человека. Эти причины порождают множественные смысловые «ответвления» от непосредственной темы, заложенные в материале и могущие стать объектом самостоятельного исследования. Мало разработанной, но перспективной и самостоятельной темой исследования может быть так называемая информативная роль карсикко, т.е. карсикко как средство передачи информации и его роль в истории как инструмента примитивного письма с дальнейшим переходом к деревянным табличкам и биркам различной формы и назначения. Карельские и финские материалы дают достаточно много фактов для реконструкции этого процесса, происходившего, в той или иной форме, у всех народов лесной зоны. Отдельной темой исследования может стать отношение карсикко к жертвенным и так называемым священным деревьям и рощам и дальнейшим формам их существования (обетные и надгробные кресты, часовни и пр.), которая, особенно в свете новых данных о карсикко, представляется плодотворной для дальнейшей разработки. Выше уже упоминалось о когнитивной функции карсикко, т. е. о функции упорядочивания и доместикации пространства, серьезное исследование которой должно быть связано с широким фронтом полевых работ.

Список основных работ, опубликованных по теме диссертации

Статьи, опубликованные в реферируемых журналах из списка ВАК:

1. Конкка А.П. Дерево у могилы. На кладбищах северо-восточной Карелии // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. История. Вып. 3. СПб. 2007. С. 209-216.
2. Конкка А.П. «Карсикко» в обрядах и представлениях финно-угорского населения Северной Европы // Традиционная культура. 2009. № 3. - С. 32-38.

3. Конкка А.П. Сообщение К.Х. Хорнборга 1886 года о саволакских жертвенных рощах – «карсикко» // Ученые записки Петрозаводского госуниверситета (в печати).

Разделы в коллективных монографиях:

4. Конкка А.П. Традиционные сельские праздники // Конкка У.С., Конкка А.П. Духовная культура сегозерских карел конца XIX - начала XX века. Л.: Наука, 1980. С. 89-137.

5. Конкка А. Освоение жизненного пространства: панозерские карсикко // Панозеро: сердце Беломорской Карелии / Под ред. А. Конкка, В.П. Орфинского. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2003. С. 214 - 230.

6. Конкка А. П. Материалы по календарной мифологии и обрядности сямозерских карел // История и культура Сямозерья / Под ред. В.П. Орфинского, И.Е. Гришиной, А.П. Конкка, И.И. Муллонен, В.Д. Рягоева. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2008. С. 254-290.

7. Konkka, Alexey. Mysteries of Ethnic Frontiers. Introduction to Ethnographic Description. Exploration of Life Space: Paanajärvi's Karsikko // Paanajärvi The Treasure of Karelia. Kajaani, 2008. P. 46 – 53, 104 - 123.

Опубликованные статьи и материалы:

8. Конкка А. П. Карельское и восточнофинское карсикко в кругу религиозно-магических представлений, связанных с деревом // Этнокультурные процессы в Карелии. Петрозаводск, 1986. С. 85 - 112.

9. Konkka, Aleksi. Kuusi kultalattu. Pohjoisen Suomen karsikoista // Kalevalaseuran vuosikirja. 77- 78. Helsinki, 1999. S. 112 - 139.

10. Konkka, Aleksi. Fennoskandian karsikoista // Tie Vianaan. Jyväskylä, 1999. S. 115 - 130.

11. Konkka, Aleksi. Tuulivuate puussa // Rihma-aineisia. Oulu, 1999. S. 35 - 60.

12. Конкка А. Знаки на деревьях — маркированные границы освоенного мира в таежной зоне Северной Европы // Человек и окружающая среда Баренц-региона в начале 21 века. Петрозаводск, 2001. С. 61 - 65.

13. Конкка А.П. Карта сакральных мест: в поисках утерянных ориентиров // Водлозерские чтения: Естественнонаучные и гуманитарные основы природоохранной, научной и просветительской деятельности на охраняемых природных территориях Русского Севера. Петрозаводск, 2006. С. 187 - 201.

14. Конкка А.П. Марийские деревья-знаки: маркеры сакральных границ // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2007 - № 4 (49). С. 217 – 229.

15. Конкка А.П. В верховьях Северной Двины. Котласский дневник // Проблемы духовной культуры народов Европейского Севера и Сибири. Гуманитарные исследования. Вып. 2. / Ред. А.П. Конкка. Петрозаводск, 2009. С. 346 – 376.

16. Пенькова М.В., Ефремова Д.Ю., Конкка А.П. Материалы по духовной культуре марийцев (священные места и природные духи) // Проблемы духовной культуры народов Европейского Севера и Сибири. Гуманитарные исследования. Вып. 2. / Ред. А.П. Конкка. Петрозаводск, 2009. С. 376-415.